

ОБ ИНТЕРЕСЕ ГОСУДАРСТВА В XVIII в. В РОССИИ К КАНОНИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ БРАКА

© 2016 г. Павел Львович Полянский¹

В статье рассматривается вопрос о причинах, по которым в XVIII в. русское правительство интересовалось нормами канонического права, регулирующими в России брак.

In this article author handles a problem about reasons of interests of Russian government in ecclesiastical regulation of marriage in XVIII cent. in Russia.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, семейное право, каноническое право, Православная церковь.

Key words: Russia, XVIII cent., family law, ecclesiastical law, Russian Orthodox Church.

В одном современном диссертационном исследовании, посвященном роли канонического права на разных исторических этапах развития российского общества, содержится тезис о том, что в так называемый синодальный период (1700–1917 гг.) Российское государство “в своем законотворчестве активно вторгалось в сферу церковного права”². Об активном вмешательстве светского законодателя в XVIII в. в такую традиционную церковную “вотчину”, как правовое регулирование брака, говорят и некоторые другие современные российские исследователи³. Какова же была цель этого вторжения? Как полагает Д.Д. Боровой, – для охранения религиозных и нравственных ценностей россиян того периода⁴. Н.С. Нижник считает, что целью являлось устранение пробелов в существовавшем каноническом праве⁵. А.А. Дорская не формулирует конкретных целей декларируемого вторжения, но считает, что государственная политика в данной сфере направлена на охранение церковного влияния в вопросах регулирования брака⁶.

Действительно, XVIII в. в России отмечен более внимательным отношением светского законодателя к брачным вопросам, чем прежде. Однако можно ли согласиться с указанными авторами, что интересы государства и церкви как регуляторов брачных отношений россиян пересеклись? Можно ли считать, что русское правительство в XVIII столетии, издавая нормативно-правовые акты по брачным делам, охраняло религиозные ценности и церковное влияние в данной сфере или же устраняло пробелы в каноническом праве? Иными словами, один ли и тот же предмет правового регули-

рования имели в виду Православная церковь и государство, воздействуя в XVIII в. на брачные отношения православных христиан страны? Представляется, что на этот вопрос должен быть дан отрицательный ответ. Хрестоматийным доказательством здесь может являться небольшой анализ нормативно-правовых актов XVIII в., исходивших от светской власти и регулировавших брачный возраст.

Так, 23 марта 1714 г. Петр I в именном Указе “О наследии имений” установил планку минимального брачного возраста в 17 лет для женщин и 20 – для мужчин, в то время как каноническое право допускало брак мужчин с 15 лет, а женщин – с 12. Причина этого повышения возрастной границы указана так: “дабы кадеты обоих полов каким образом не притеснены в молодых летах”⁷. У российского законодателя и до, и после этого Указа были основания охранять слишком молодых супругов от притеснений свойственников. Например, еще в феврале 1679 г. состоялся боярский приговор, в котором указывалось на следующую практику: “Которым вдовам и девкам даны родственные вотчины, а они с теми вотчинами шли замуж; и родственники тех вдов и девок бьют челом, что мужья тех своих жен, а их родственники бьют и мучат, и велят им те свои приданные вотчины продавать и закладывать своими именами”⁸. Так, в 40-е годы XVIII в. рассматривалось дело о разводе супругов Сабуровых. Было выяснено, что после выхода замуж 12-летней богатой сироты Елены Трусовой за Ефима Сабурова он сам и его отец разными правдами и неправдами переписали на себя значительную часть ее приданого (в том числе недвижимых имений и крепостных людей). В 1743 г. Е. Сабуров инициировал развод якобы по причине прелюбодеяния Елены, а ей самой тайком семья Сабуровых сделала предложение признаться в измене, за что обещали вернуть часть отчужденного имущества и дочь Аграфену, находившуюся на воспитании у свекрови⁹. Таким образом, ранние браки дворян из-за злоупотреблений их свойственников могли привести к потере родовых имений их законными владельцами.

Для того чтобы ранняя женитьба дворян не могла помешать их обучению, Петр I запретил служащим коллегии Адмиралтейства жениться раньше 25 лет¹⁰. С тех пор вплоть до начала XX в. для законодателя стало “доброй” традицией

¹ Доцент кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук (E-mail: history@law.msu.ru).

Pavel Polyansky, associate Professor in the Department of history of state and law of juridical faculty of Moscow state University named M.V. Lomonosov, PhD in Law (E-mail: history@law.msu.ru).

² Боровой Д.Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 146.

³ См., например: Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2008. С. 227; Левишин Э.М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 4.

⁴ См.: Боровой Д.Д. Указ. соч. С. 151.

⁵ См.: Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 111.

⁶ См.: Дорская А.А. Указ. соч. С. 235.

⁷ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 700.

⁸ См.: 1-е ПСЗРИ. Т. II. № 751.

⁹ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 247. Л. 55об.–56.

¹⁰ См.: 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3937.

сохранять повышенную возрастную планку для офицеров, но несколько по иным мотивам. Основной причиной здесь было то, что недавно поступившим на службу молодым дворянам платилось маленькое жалованье, а родители еще не успели отделить им часть родовых имений. Поэтому таким офицерам было практически нечем кормить семью¹¹.

В 1744 г. императрица Елизавета Петровна узнала, что немолодая уже аферистка Прасковья Десятова женила на себе 82-летнего действительного статского советника Григория Ергольского. У духовенства, повенчавшего эту пару, престарелый возраст жениха не вызвал вопросов, но вскоре обнаружилась цель этого брака: Десятова «во всем доме ево Ергольского властвовала и к растащению пожитков ево явной сея хищницей показала»¹². Императрица заставила Синод отыскать возможность признать этот брак недействительным (о чем Синод 12 декабря 1744 г. издал Указ¹³) и после разлучения этой пары велела с предосторожностями перевезти пожилого дворянина в Санкт-Петербургскую Александру-Невскую лавру для постоянного ухода и присмотра.

Все приведенные примеры показывают, что истинным предметом заботы законодателя в XVIII в. в случаях с регулированием возраста вступления в брак было устройство дворянского сословия. Сохранение родового имущества и обеспечение интересов дворянской службы – вот зачем русскому правительству потребовалось менять нижнюю возрастную планку и устанавливать верхнюю. Никакой коррекции норм канонического права или ликвидации пробелов в каноническом регулировании в данном случае не было. Единственный раз, когда в XVIII в. вопрос о брачном возрасте возник не в связи непосредственно с дворянскими интересами, – это о ранних крестьянских браках, причем именно в случаях, когда невесты были гораздо старше женихов. Указом Синода 17 декабря 1774 г. браки мужчин до 15 лет и женщин до 13 лет, а также браки с большой разницей в возрасте были строга́йше запрещены под угрозой лишения священства проводивших венчание попов и лишения сословного звания участвующих в обряде церковнослужителей. Причина, по которой к соблюдению возрастной планки власти стали относиться столь серьезно (судя по тексту Указов 1774–1775 гг.¹⁴), – значительное количество мужеубийств, о чем, впрочем, духовные власти и так знали еще в 40-х годах XVIII столетия¹⁵. Причиной, которая побуждала государственных крестьян женить своих малолетних сыновей (а помещиков – своих малолетних крепостных) на взрослых женщинах, был чисто хозяйственный интерес.

В двух последних случаях (с браком Г. Ергольского и браками малолетних крестьян с «возрастными девками») Синоду действительно пришлось вспомнить о канонических нормах. Однако необходимо заметить одну характерную деталь – на необходимость обеспечить соблюдение норм церковного права Синоду были вынуждены указывать императрица (в деле Ергольского) и Сенат (по вопросу о браках крестьян). Так что, пожалуй, следует согласиться с теми исследователями, которые видели определенное пересечение интересов Православной церкви и государства в сфере канонического

права, но с небольшой поправкой. В XVIII в. государство не корректировало канонические нормы и не ликвидировало пробелы в церковно-правовом регулировании, но лишь пыталось заставить церковную организацию исполнять те функции, ради которых она и должна была существовать, т.е. обеспечивать исполнение паствой канонических предписаний.

Наиболее яркие примеры таких попыток демонстрирует эпоха правления Елизаветы Петровны. В 1744 г., например, императрица обратила внимание на целый ряд дел о признании недействительными браков, заключенных в запрещенных степенях родства и свойства. Так, одним из поводов для этого послужило дело смоленских шляхтичей, которое длилось с 1727 г. более 20 лет. В смоленской епархии было обнаружено 38 браков дворян, заключенных, судя по репутации отстраненного вскоре после начала дела от руководства епархиального архиерея Филофея, за взятки в запрещенной степени родства. До 1741 г. дело практически не двигалось, а в 1743 г. его рассмотрение было перенесено в Москву. Однако до начала 50-х годов окончательного решения еще не было вынесено за разногласием членов Синода¹⁶. Лишь в 1752 г. по распоряжению императрицы дело было окончено. К этому времени у многих состоящих в незаконных браках шляхтичей родились наследники, и было ясно, что признание спорных браков недействительными повлечет за собой массу других дел о законности рождения, наследовании и т.д. В такой ситуации, когда Синод уже более 20 лет не мог принять столь важного для дворянства целой епархии решения, Елизавета Петровна своей властью распорядилась незаконные браки оставить в силе, а епитимии супругам не назначать¹⁷.

Другим поводом обратить внимание императрицы на неблагополучную ситуацию с рассмотрением церковными судами дел о недействительных браках стали проступки московского архиепископа Иосифа. Именно ему в декабре 1744 г. через обер-прокурора Синода Я.П. Шаховского¹⁸ Елизаветой Петровной было сделано внушение действовать «духом кротости» и не чинить пастве излишних оскорблений¹⁹. Тогда же обер-прокурор донес до Синода и повеление издать «для всенародной публикации указ», в котором были бы обозначены запрещенные для брака степени родства и свойства. В феврале 1751 г. через того же Я.П. Шаховского императрица сообщила Синоду о том, что ей известно значительное количество все еще находящихся без движения дел о «сомнительных» браках²⁰, т.е. за семь лет ясность в вопрос о запрещенных степенях так и не была внесена. В сентябре того же 1751 г. в связи с браком отставного поручика Семена Пушкина Елизавета Петровна сделала Синоду выговор за медлительность в рассмотрении дел о «сомнительных» браках. Императрица выразила недоумение относительно самой ситуации, когда в Синоде происходят «спору и несогласные рассуждения» о браках в отдаленной степени родства, которые до этого в течение нескольких веков как-то разрешались. Считая, что Синод руководствуется более субъективным мнением, чем каноническими правилами, она потребовала представить ей печатный экземпляр «Священного Писания из книг, православной церковью нашей принятых и вероятия достойных»²¹. В ноябре 1752 г., окончательно разуверив-

¹¹ См.: Клокачев В. Брак офицеров. Законоположения главнейших государств Западной Европы. История развития и современное положение вопроса в России. Критический обзор. СПб., 1907. С. 49 и далее.

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 9. Л. 35.

¹³ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 170. Л. 77об.–79об.

¹⁴ См.: Законодательство Екатерины II. В 2-х т. Т. 2. М., 2001. Док. № 220, 221. С. 454–456.

¹⁵ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. II. (1744–1745 гг.). СПб., 1907. № 818. С. 314.

¹⁶ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 167. Л. 4, 5.

¹⁷ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 176. Л. 18–18об.

¹⁸ Яков Петрович Шаховской исполнял должность обер-прокурора Синода с 1741 по 1753 г.

¹⁹ См.: I-е ПСЗРИ. Т. XL. № 9088а. Текст Указа также опубликован в записках князя Якова Петровича Шаховского (СПб., 1872. С. 275, 276).

²⁰ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 175. Л. 18об.–19.

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 10. Л. 49.

шись в компетентности Синода, императрица отменила его обвинительное решение по делам о браках протопопа Зуева и священника Матвеева, якобы состоявших в “кумовстве” со своими женами, разрешила священникам продолжать сожительство со своими женами, а Синоду велела впредь докладывать ей о подобных делах лично²².

Несмотря на напоминание в течение десяти лет со стороны Елизаветы Петровны, Синод явно не спешил исполнить данное ей поручение о предоставлении экземпляра Священного Писания. Этот вопрос не был решен и в царствование Екатерины II. В 1765 г. именным Указом было велено “сочинить” специальный листок или книжку о запрещенных к браку степенях родства²³. Однако взамен “листка” и “книжки” в 1787 г. была переиздана Кормчая книга, причем со всеми ошибками и темными местами, которыми отличалось еще первое печатное издание Кормчей 1653 г.²⁴ Таким образом, в XVIII в. светская власть, не пытаясь изменить церковные нормы о браке, неоднократно указывала руководству Православной церкви на неудобства, порожденные отсутствием в обиходе удобного печатного издания этих норм.

Закономерным итогом такого состояния дел стало заключение Непременного совета, который после рассмотрения в 1806 г. бракоразводного дела графини Е.А. Мусиной-Пушкиной-Брюс дал такую оценку состоянию канонического законодательства: “Правила церковные о запрещенных браках... содержа в себе многие весьма разнообразные положения разных епископов и духовных властей, между собой не согласенные и в один состав не приведенные, впоследствии от протечения времени, от великих перемен, последовавших в гражданском состоянии общества после их установления и, наконец, даже от неисправного и ныне по большей части невразумительного преложения их с греческого на славянский язык, сделались... неясны, неопределительны и даже во многих отношениях между собой противоречащи”²⁵.

Заслуживает внимания еще один исторический документ – Указ Петра III от 26 марта 1762 г., который не только не вошел в 1-е Полное собрание законов Российской Империи, но и был впервые опубликован только в 1872 г. в ноябрьском номере журнала “Русская старина”. По мнению редакции журнала, церковниками было сделано все, чтобы скрыть этот документ от общественности²⁶, поскольку он рисовал весьма неприглядную картину духовной юстиции. Формально он не касался именно брачно-семейных дел, однако интересна характеристика, которую император дал Синоду как судебному органу: он “походит больше на опекуна знатного духовенства, нежели на строгого наблюдателя истины и защитника бедных и неповинных”²⁷. Петр III в этом документе обещал Синоду, что с этих пор “малейшее нарушение истины нажестся как злейшее государственное преступление, а сей указ не токмо для всенародного известия напечатать, что в Синоде и к настольным указам присовокупить”²⁸. Члены Синода умоляли императора не публиковать Указ²⁹ и, видимо, добились своего.

Но мог ли Синод XVIII в. быть “строгим наблюдателем истины” в брачных делах? Для характеристики его деятель-

ности в этом качестве небезынтересным представляется тот факт, что еще к середине 40-х годов XVIII столетия у членов Синода отсутствовали не только соответствующий нормативный материал, но и простое понимание вопроса, как в соответствии с церковными канонами надлежит рассматривать бракоразводные дела по причине прелюбодеяния одного из супругов. Об этом недвусмысленно позволяет судить синодский циркулярный запрос от 12 октября 1744 г. в органы епархиального управления, в котором содержалась просьба прояснить ряд пунктов, в том числе какой тип процесса по прелюбодеянным делам использовался “при святейших патриархах”, затем – с 1700 по 1721 гг. (от смерти последнего патриарха до учреждения Синода) – с учреждения Синода по время запроса³⁰. Кроме того, Синод интересовался практикой использования сторонами представителей по таким делам. Однако и через 30 лет после запроса (!) Синод еще не мог получить точного ответа на вопрос о возможности представительства. Лишь к 1797 г. в архиве Московской духовной консистории были обнаружены и присланы в Синод копии его собственных Указов XVIII в., в которых содержался однозначный отрицательный ответ на вопрос об участии адвокатов. Окончательно процессуальный обряд о рассмотрении бракоразводных дел был урегулирован лишь в Уставе духовных консисторий 1841 г.³¹

Таким образом, приведенные материалы показывают, что государство в XVIII в. не имело никакого намерения вторгаться в каноническое регулирование вопросов брака. Правительство проявляло некоторый интерес к этим вопросам лишь тогда, когда обнаруживались наиболее очевидные проявления неспособности церковной организации осуществлять свои основные функции. При этом государственный интерес, как правило, связывался с проблемами дворянского сословия. Организация дворянской службы, охрана родовых имений подчас требовали установления специальных законодательных норм, что ни в коем случае нельзя рассматривать как покушение на духовную “вотчину”. Но в тех случаях, когда явная некомпетентность церковных властей (даже на уровне Синода) напрямую затрагивала интересы дворянства, правительству приходилось (иногда в весьма жесткой форме) требовать от церковников надлежащего исполнения своих обязанностей. Однако даже императорского окрика в ряде случаев не хватало, чтобы руководство Православной церкви оперативно ликвидировало недостатки своей организации в брачной сфере в XVIII в.

Законодатель XVIII столетия не собирался корректировать канонические нормы, однако этот факт не отменяет довольно широкой практики участия различных государственных органов в брачных делах православных христиан. Например, светские органы могли скреплять супружеские договоры о раздельном проживании, разрешали неурядицы между супругами. При этом церковная организация в данный период не проявляла по этому поводу никакого беспокойства. Пожалуй, впервые руководство Русской Православной Церкви выразило озабоченность вторжением светских органов в ее компетенцию лишь в начале XIX в., что ярко проявилось в 1810 г. при рассмотрении проекта Гражданского уложения и – особенно ярко – в ходе разрешения дела отставного поручика Шелковникова³².

²² См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 10. Л. 51.

²³ См.: 1-е ПСЗРИ. Т. XVII. №12 408.

²⁴ См.: Павлов А.С. Курс церковного права // СПС “Гарант”.

²⁵ Архив Государственного совета. Т. III. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). Ч. 2. СПб., 1878. Стлб. 29.

²⁶ Русская старина. 1872. Ноябрь. С. 568.

²⁷ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 11. Л. 246.

²⁸ Там же. Л. 246об.

²⁹ См.: там же. Л. 247об.

³⁰ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 567. Л. 28, 29.

³¹ См.: 2-е ПСЗРИ. Т. XVI. Отд. I. № 14 409. Ст. 238–260.

³² Об этом деле, а также о позиции церковного руководства при обсуждении проекта Гражданского уложения в 1810 г. и далее см.: Полянский П.Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX в. // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2014. № 5. С. 33–51.

Начало XIX в. отмечено некоторой коррекцией отдельных канонических норм. Так, долгожданным решением рассмотренных выше проблем XVIII столетия с определением запрещенных степеней родства стал Указ Синода от 19 января 1810 г. Теперь браки разрешались уже в 5-й степени родства, в то время как до этого – лишь в 8-й³³.

Итак, решая в XVIII в. вопросы сословного устройства российского общества, государственная власть сталкивалась с рядом проблем в брачных делах подданных, в основном дворянства. Одним из источников этих проблем являлись недостатки организации Русской Православной Церкви.

³³ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4683. Л. 3–9об.

В частности, нормы канонического права, а также документы самого Синода, регулирующие вопросы вступления в брак и его расторжения, часто оказывались неизвестными самому Синоду, а известные нормы не всегда отличались ясностью. В этих условиях органам государственной власти приходилось понуждать церковное руководство ликвидировать эту неустроенность. Однако первые реальные шаги к систематизации и в какой-то степени адаптации заимствованных из Византии канонических норм к российским реалиям началось лишь в XIX столетии. Так или иначе, но государство не планировало вытеснить церковь из ее “вотчины”. Оно лишь побуждало церковников стать в ней настоящими хозяевами.